

СОВЕТСКИЕ ВОЕННЫЕ ПЕРЕВОДЧИКИ В АНГОЛЕ (1975–1992)

А. В. Кузнецова-Тимонова

*ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»,
ул. Академическая, д. 1, г. Минск, 220072, Беларусь, aldona.smith@yandex.by*

Проанализированы основные черты работы военных переводчиков во время службы в составе советских военных миссий на территории воюющих стран. Рассмотрены особенности практической подготовки переводчиков в военных и гражданских учебных заведениях, которые отражались на их профессиональной деятельности в боевой обстановке – на пример опыта переводчиков, принимавших участие в войне в Анголе (1975–1992). Используются материалы устной истории: интервью и воспоминания непосредственных участников событий. Отмечена сложность получения переводчиками – участниками войны в Анголе боевых наград и статуса воина-интернационалиста.

Ключевые слова: военные конфликты; «холодная война»; Ангола; военные переводчики; воины-интернационалисты.

SOVIET MILITARY INTERPRETORS IN ANGOLA (1975–1992)

A. Kuznetsova-Timonova

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Academicheskaya St., Minsk, 220072,
aldona.smith@yandex.by*

The author analyzes the main features of the work, which the military interpreters conducted while serving in Soviet military missions in belligerent countries. The features of the practical training of translators in the military and civilian educational institutions, which somehow reflected in their professional work in the field. Personal experience of interpreters who participated in the civil war in Angola (1975–1992) is rendered as an illustration. The article contains oral history: interviews and memories of direct participants in the Angolan events. The article highlights the complexity of receiving military awards and a peacekeeper status by interpreters.

Key words: shooting wars; “Cold war”; Angola; military interpreters; peacekeeper status (internationalist warrior).

С изданием 21 мая 1929 г. приказа № 125 «Об установлении звания для начсостава Рабоче-Крестьянской Красной армии “Военный переводчик”» за подписью заместителя Наркома по военным и морским делам И. Уншлихта [1] профессия, существовавшая в течение столетий, получила официальный статус. По мере расширения внешних связей советское руководство уделяло большое внимание специальной подготовке этой особой категории офицеров.

К военным переводчикам предъявлялись требования: 1) знание языка, военной терминологии и организации иностранных армий; 2) умение правильно перевести документ любого типа; 3) свободное понимание и точный перевод устной речи.

Сначала подготовка военных переводчиков в СССР осуществлялась на командных переводческих курсах (например, в Хабаровске с 1933 г.

действовали курсы восточных языков). Толчком для создания специализированного военного языкового высшего учебного заведения стала Вторая мировая война. В 1940 г. появились военные факультеты: западных языков – при Московском педагогическом институте, восточных языков – при Московском институте востоковедения. А в 1942 г. был образован единый центр подготовки кадров военных переводчиков – Военный институт иностранных языков (ВИИЯ).

Во второй половине XX в. Советский Союз вел активную внешнюю политику, оказывая экономическую и военную помощь государствам, взявшим курс на построение социализма, и колониям, борющимся за независимость. Регулярные советские войска присутствовали на протяжении 1979–1989 гг. в Афганистане; отдельные воинские части относились к действующей армии также в период войны в Корее (1950–1953 гг.), боевых действий в Венгрии (1956), вооруженных столкновений на советско-китайской границе (1969) [2]. Советские военные миссии действовали в Анголе, Мозамбике, Ливии, Вьетнаме, Египте, Йемене, Сомали, Эфиопии. Так работа военных переводчиков становилась ключевой составляющей успеха деятельности советских военных советников и специалистов.

Избранный пример войны в Анголе позволяет выделить типичные аспекты работы военных переводчиков за рубежом. В то же время служба в Анголе имела для разных групп переводчиков свою специфику, представляющую интерес для исследователей.

Отметим особенности вооруженного конфликта в Анголе и вовлеченности в него СССР:

советские военные специалисты и советники направлялись в Анголу для помощи официальному правительству (независимость Анголы была провозглашена 11 ноября 1975 г.) на протяжении 17 лет; это один из самых продолжительных периодов присутствия советской военной миссии в иностранном государстве;

война с первых дней не была внутренним делом Анголы: де-факто в международный конфликт оказались вовлечены Куба, СССР, США, ЮАР, Китай, Конго;

в Анголе в разные годы находилось до 15 тыс. советских военнослужащих, в том числе белорусов и уроженцев БССР, современных граждан Республики Беларусь.

Острая необходимость в переводчиках в Анголе вынуждала командование направлять в эту страну не только выпускников ВИИЯ, но и студентов и выпускников других институтов. Бывший военный переводчик С. А. Коломнин отмечал: «Их стали ускоренно готовить, призывать из запаса, брали даже испанистов, благо испанский и португальский языки достаточно близки» [3, с. 37]. То есть, имеется возможность сравнить уровень подготовки выпускников и курсантов ВИИЯ и гражданских вузов (например, Минского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ) и оценить специфические сложности, с которыми сталкивались переводчики именно в Анголе.

Перечислим основные факторы, делавшие работу военного переводчика особенно важной для успешного сотрудничества с принимающей стороной.

Первое: советские военные советники и специалисты, как правило, не владели иностранными языками (в лучшем случае, знали на среднем уровне английский и немецкий), а среди ангольских военнослужащих совсем немногие получили в СССР военное образование и понимали русский язык. Если советники были не готовы изучать язык, ответственность за коммуникацию ложилась исключительно на переводчиков.

Второе: в обязанности входило обучение местных военнослужащих основным военным дисциплинам, обращению с военной техникой, тактике, искусству боевых действий, что требовало от переводчиков не только высокой языковой подготовки, но и «знания матчасти».

Третье: для установления хорошего контакта с населением необходимо было знать особенности Анголы, местного менталитета, обычаев, чтобы легче завоевывать авторитет в глазах местного населения и ангольской армии (далее – ФАПЛА¹). Такими знаниями, в силу профессии, обладали только переводчики.

Государственным языком в Анголе – бывшей португальской колонии – был португальский, причем не литературный, который преподается в вузах, а местный диалект «калау». В обязанности переводчиков в Анголе входили обеспечение успешной коммуникации между советскими советниками и специалистами и ангольскими военными, которых те должны были консультировать и обучать синхронному переводу учебных занятий в военных училищах либо в местах расположения бригад, на совещаниях, а также письменному переводу докладов и отчетов. Одновременно важно было обеспечивать устную коммуникацию между советниками и подсоветными в реальных условиях боевых действий.

Вместе с советскими советниками и специалистами в Анголе в 1975–1988 гг. в Анголе располагался кубинский армейский корпус. Многие кубинцы, особенно офицеры, учились в СССР и хорошо говорили по-русски. В прочих случаях снова ответственность возлагалась на переводчиков. Вспоминает выпускник МГПИИЯ, бывший военный переводчик Александр Хованский: «Бывали случаи, что нужно было переводить сразу три языка: испанский, португальский и русский. Стоят, например, трое: наш советник, кубинский командир и ангольский офицер. И переводишь им с русского на испанский, с испанского на португальский и с португальского на русский, и так по кругу. Владение испанским языком не раз выручало» [4, с. 199].

Очень важным в работе переводчика было завоевать авторитет в глазах ангольцев всех рангов. Вспоминает уроженец Гомеля, бывший военный переводчик (выпускник ВИИЯ), подполковник запаса Игорь Ждаркин: «Самое главное – это контакт с местной стороной. Если не будет такого контакта переводчика с населением и подсоветными, работы не будет. Если переводчика уважать не будут – а переводчика должны уважать в первую очередь – добра не жди. А если уважают, он сможет сгладить какие-либо неприятные моменты. А уж такие моменты возникали нередко» [5, с. 85]. Таким образом, переводчик превращался в дипломата, поддерживавшего престиж своей страны на всех уровнях.

Состав переводчиков, несших военную службу в Анголе в 1975–1992 гг., можно разделить на две категории:

¹ FAPLA – Forças Armadas Populares de Libertação de Angola (порт.)

1) курсанты и офицеры (в основном – выпускники 10-месячных ускоренных курсов) ВИИЯ. Большинство из них выпускались в звании младших лейтенантов и на 2 года направлялись в Анголу, а по возвращении уже лейтенантами доучивались на офицерских курсах. Иногда курсанты направлялись «на стажировку» после второго курса и возвращались снова курсантами (без офицерских званий). Многие за время учебы в ВИИЯ направлялись в подобные командировки по 2–3 раза: в результате обучение растягивался у них на 6–7 лет;

2) выпускники гражданских вузов (переводчики или учителя испанского языка). Молодыми специалистами, после распределения в Министерство обороны, в звании лейтенантов они направлялись на военную службу и после обязательных двух лет получали возможность остаться в армии и продолжить службу в качестве военных переводчиков. Однако пользовались этой возможностью немногие, большинство предпочитало возвращаться к гражданской жизни.

Переводчики-«виияковцы» и выпускники гражданских вузов были по-разному подготовлены. В ВИИЯ большинство курсантов поступали из армии – соответственно, обладали определенной военной подготовкой, умели обращаться с оружием и техникой. Им преподавались специальные предметы: тактика и военное страноведение. Преподаватели военного вуза доносили до курсантов специфику положения в стране, особенности ее обычаев, местной культуры, колорита. Ведь, как правило, сами бывали там неоднократно [5, с. 87].

Выпускники МГПИИЯ оказывались в значительно более тяжелом положении. Они не имели военной подготовки, кроме теоретических знаний, полученных на военной кафедре института, и сданных норм ГТО (срочную военную службу успевали до вуза пройти единицы). Выпускников-переводчиков уже на 5-м курсе распределяли в Министерство обороны. Педагогов сначала могли распределить в Министерство образования, а спустя несколько лет направить им вызов из военкомата.

В Анголе переводчикам-«двухгодичникам» приходилось изучать военное дело едва ли не в бою и овладевать сразу несколькими специальностями. Случалось, что в ходе командировки переводчика направляли на службу в войска разного назначения, что предполагало изучение новой терминологии, специфических определений и получение в кратчайшие сроки новых специальных знаний. Вспоминает минчанин, выпускник МГПИИЯ, старший лейтенант запаса Сергей Демидчик, который в 1986 г. был переводчиком ангольской мотопехотной бригады: «Во время масштабных учений на реке Кванза [...] мы начали готовить экипажи для БМП-1. Пришлось вспомнить, что в школе работал когда-то – потому что я сам эти занятия проводил, а прапорщика, который должен был со мной работать, я просто отправлял: чего ты мне здесь будешь по-русски говорить, я сам это уже неплохо представляю. Так я сам готовил эти экипажи. А вернулся из отпуска – и весь второй год служил в качестве переводчика на Военно-морском флоте. Так я, гражданский человек, овладел еще одной военной специальностью» [6, с. 274–275].

Главной особенностью положения выпускников МГПИИЯ в Анголе было незнание португальского языка до прибытия на место. Первоначально они распределялись в испаноязычные страны (Куба, Перу). Переориентация в Анголу ожидала их уже в Москве, в 10-м Главном управлении Генерального

штаба (10 ГУ ГШ), после медкомиссии. Приходилось покупать словари, на месте брать у курсантов ВИИЯ учебники и изучать португальский язык за 1–2 месяца. Вспоминает выпускник МГПИИЯ, бывший военный переводчик, старший лейтенант запаса Олег Грицук: «Я предупреждал, что работать переводчиком я один не смогу. Меня поэтому распределили сначала в отдельную бригаду ПВО. Там по штату положено было два переводчика. Один был опытный уже, меня к нему как на стажировку определили. Они ездили на работу, меня брали с собой, хотя я в португальском тогда еще ничего не соображал, ничего не мог перевести» [7, с. 145 – пер. с англ.].

Срок командировки для переводчика (как советников и специалистов) составлял 2 года без семьи и 3 – с семьей. После года в «боевом округе» появлялось право перевода в «небоевой» – т.е. тот, где серьезные боевые действия не велись. Но обстоятельства складывались по-разному: одни проводили все два года службы в относительно спокойных провинциях, другие весь срок оставались в зоне боевых действий.

Отмечены случаи привлечения выпускников МГПИИЯ к работе в качестве бортпереводчиков английского языка в составе лётных экипажей. Бортперевод в МГПИИЯ также не преподавался, и учиться этой сложной профессии им приходилось едва ли не в полёте. Вспоминает капитан запаса, выпускник МГПИИЯ Александр Шлык: «Моя переводческая карьера в Анголе началась не с испанского, не с португальского, а с английского языка. Год я отлетал на самолёте ГВС [...]. Там ведь своя терминология, и даже произношение другое, не такое, как в обычном разговорном английском языке. Абсолютно без практики, я сел за наушники [...]. Одно дело – разговаривать по-английски просто так. И совсем другое дело – в эфире. Это ответственность, это страх. И это просто сложно. Надеваешь наушники – слушаешь весь эфир, все самолёты, вертолеты, вышки. Если кто-то говорит, ты не имеешь права вклиниваться. Там была такая клавиша – как педаль у пианино, регулировка подачи в эфир твоего голоса. Если нажимаю эту педаль, весь эфир отключается, и говорю только я. Если сделаешь это, когда говорит кто-то ещё – потом, на земле, могут оштрафовать. Нужно выгадать паузу, когда все замолкают» [6, с. 106–107].

Формально переводчики – как советники, так и специалисты – не должны были принимать участия в боевых действиях. Фактически получалось иначе. В случае попадания в бригаду, которая участвовала в боевых операциях, переводчик так или иначе оказывался в гуще событий. Никто не был застрахован от контузий, увечий, ранений, даже гибели. Опасность в воюющей стране подстерегает как на земле, так и в воздухе: самолёты нередко сбивали, и переводчик делил судьбу с прочими членами экипажа и пассажирами. Среди участников одного из знаковых сражений войны в Анголе 1987–1988 гг., в честь победы в котором кубинцы (сыгравшие в достижении этой победы ФАПЛА ключевую роль) учредили специальную медаль «За оборону Куито-Куанавале», были переводчики: например, белорусы Олег Грицук и Игорь Ждаркин.

Имеются свидетельства, что представления на награды именно переводчиков часто отклонялись вышестоящим командованием. Игорь Ждаркин: «Переводчики были, в основном, «младшие чины» – лейтенанты, младшие лейтенанты – и очень часто награды до них просто не доходили. Фамилия Сергея Демидчика, например, в наградных списках была, я это проверял потом в отделе кадров: представление на медаль «За боевые

заслуги» [6, с. 284]. Александр Шлык уточняет: «Мне посылали представление на медаль «За отвагу». Вызывает потом начальник отдела кадров, награждает наших, а моя фамилия не звучит. На вопрос «почему» мне ответили: мою кандидатуру завернули, потому что я не кадровый военный. В Москве у начальства была такая логика» [6, с. 124].

Война в Анголе занимает одно из центральных мест на карте многочисленных «горячих точек «холодной» войны». Однако не все участники этой войны, в том числе и переводчики, имеют статус участника боевых действий, что в корне несправедливо.

Опыт военных переводчиков, полученный в Анголе и прочих «горячих точках», может представлять ценность и для действующих кадров Вооруженных Сил Республики Беларусь в их повседневной деятельности: работе с зарубежными коллегами и гостями, военными атташе, сопровождении высокопоставленных лиц, прибывающих с визитами в нашу страну, обеспечении международного военного сотрудничества Министерства обороны [8]. Переводчиков порой называют «профессионалами-дилетантами» – профессионалами языковой подготовки и дилетантами военной. Однако уровень знаний таких «дилетантов» должен соответствовать высокой профессиональной планке для успешного несения службы.

Библиографические ссылки

1. Курапова, Е. Составляющие профессии военного переводчика // [Электронный ресурс] Союз ветеранов ВИИЯ: URL: <http://www.vkimo.com/node/1867>.
2. Постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 01.06.2010 N 22 «Об утверждении периодов отнесения воинских частей, штабов и учреждений к составу действующей армии, перечня городов и периодов их обороны во время Великой Отечественной войны, а также перечня государств, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Республики Беларусь» // Левоневский Валерий Станиславович. Правовая библиотека: [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic06/text079.htm>.
3. Коломнин, С. А. Русский спецназ в Африке. М.: Яуза, 2010.
4. Кузнецова-Тимонова, А. В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе (1975 – 1992). Минск : Беларуская навука, 2017.
5. Ждаркин, И. А. «Такого не было даже в Афгане»: воспоминания участника войны в Анголе (1986 – 1988 гг.). М.: Memories, 2008.
6. Забытая гражданская война в Анголе. Воспоминания очевидцев. Издание 2-е, исправленное и дополненное. В 2-х томах. Т. 1. М.: Издатель И. Б. Белый, 2015.
7. Cuito Cuanavale, Fronline Accounts by Soviet Soldiers. Jacana Media, Sunnyside Auckland Park, South Africa, 2014.
8. Гончаров А. Переводчик в погонах: без права на ошибку // Белорусская военная газета. – 2015, № 209 : [Электронный ресурс]. URL: <http://vsr.mil.by/2015/11/04/perevodchik-v-pogonax-bez-prava-na-oshibku/>.